

•

**РЕТРО-ДЕТЕКТИВЫ
АНТОНА ЧИЖА
И ИВАНА ЛЮБЕНКО**

•

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ДЕТЕКТИВЫ И. ЛЮБЕНКО:

Супостат

Маскарад со смертью

Тень Азраила

Тайна персидского обоза

Убийство на водах

Секрет Распутина, или Черная магнолия

Поцелуй анаконды

Кровь на палубе

Лик над пропастью

Серый монах

ДЕТЕКТИВЫ А. ЧИЖА:

Пять капель смерти

Жертва чистой красоты, или Аромат крови

Ва-банк для Синей бороды, или Мертвый шар

Ищите барышню, или Безжалостный Орфей

Холодные сердца

Рыцарь с черной лестницы, или Формула преступления

Тайна мадам Живанши, или Смерть мужьям

Опасная фамилия

Тайные полномочия

Смерть носит пурпур

Камуфлет

Убить нельзя простить

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• серый монах •



Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественное оформление *Петра Петрова*
В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Ранее сборник рассказов издавался под названием
«Роковая партия»

Любенко, Иван Иванович.

Л93 Серый монах / Иван Любенко. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 192 с. — (Ретро-детективы Антона Чижика и Ивана Любенко).

ISBN 978-5-699-86671-7

«Серый монах» — сборник детективных новелл, действие которых происходит в начале XX века. Присяжный поверенный Клим Ардашев не дает скучать ни себе, ни окружающим. Имея в распоряжении минимум средств, он с блеском раскрывает одно преступление за другим. Вот найден убийца чернокнижника, вот обезврежен жестокий маньяк, появившийся во время падения Тунгусского метеорита; а вот обнаружен похититель монастырской собачки, любимицы всех монахинь... Вести следствие Ардашеву помогают очень разные люди: и митрополит, и даже — страшно сказать — призрак убитого мошенника. И все ради того, чтобы справедливость наконец восторжествовала!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86671-7 © Любенко И., текст, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

—• РОКОВАЯ ПАРТИЯ

Новый, 1908 год начался для Ардашева неспокойно. Присяжному поверенному вновь пришлось окунуться в расследования загадочных убийств, таинственных краж и коварных вымогательств. Слава о его необычайных способностях давно вышла за пределы губернии, и теперь даже надменные столичные газеты с удовольствием перепечатывали статьи из «Ставропольских губернских ведомостей» об удивительных похождениях адвоката. Казалось, такие события могут встретиться только на страницах грошовых развлекательных брошюр о сыщиках и злодеях. Но жизнь в российской глубинке текла по своим, часто не поддающимся никакой логике законам и преподносила жителям южного края такие не-

ожиданные сюрпризы и запутанные лабиринты, от которых могла закружиться голова даже у ищек из знаменитого «Национального агентства Пинкертона».

Вот и сейчас Ардашев задумчиво смотрел на два параллельных, будто уходящих в бесконечность следа от полозьев. Сани, запряженные не особенно породистой, но с виду резвой лошадкой, споро неслись к южной окраине Батальонной улицы. Снег к вечеру пошел с новой силой. Крупные, с лебяжье перо хлопья покрывали белую, как сорочка гимназистки, булыжную мостовую. Уставший морозный январский день медленно засыпал, чтобы завтра, чуть свет, запеть тысячами новых, разноголосых звуков. Из легкого забытья адвоката вывел тихий, извинительный голос частнопрактикующего врача Нижегородцева.

— Вы уж простите, уважаемый Клим Пантелевич, что я, на ночь глядя, потащил вас к черту на кулички. Странной кажется мне эта смерть. Я его не меньше чем раз в неделю наблюдал, здоров был старик, как бык царя Миноса. И вдруг — скончался. В данном случае моя репутация как

врача кажется уже не столь безупречной. А гонорар вам я оплачу сполна, не беспокойтесь. Полицию вызывать Изольда Генриховна, экономка его, не желает: «Он, — говорит, — болезненный, восьмой десяток давно разменял. Все там будем». Согласитесь, странная позиция. Единственное, на что старик жаловался, так это на некоторое ослабление своего мужского потенциала. «Вот, — говорит, по молодости я шкалик пропущу да к милой в постель. Так за ночь бутылочку выкушаю и свою куртуазную мамзель ублажу. С утраца — банька да купанье в проруби. А нынче, как студент чахоточный, один разок, и все, ко сну тянет. Пропишите, доктор, сигнатуру¹, каких-нибудь капелек, чтобы наново силу прежнюю обрести».

— Согласен, Николай Петрович, дай бог каждому такие «жалобы» на старости лет иметь. Вы не беспокойтесь, разберемся. Это хорошо, что вы комнату до моего прихода на ключ велели закрыть. В таком деле главное — детали, они нам о многом сказать могут: что делал в последние минуты жизни покойный, с кем общался. А что собачка его издохла, случай довольно редкий,

¹ Сигнатура (*уст.*) — рецепт.

хотя бывает и такое. Животные тоже ведь твари сердешные, от горя и тоски помереть могут, — удобно расположив зятянутые в перчатках руки на кожаном английском саквояже, философски рассуждал присяжный поверенный. — А какие родственники у покойного остались?

— Желу Вахрушев лет пять назад похоронил. Подозреваю, что экономка ему последние годы ее с успехом заменяла. Уж больно ласков он с ней был. Сулился ей свои доходные дома завещать. Еще и вдовушка-портниха к нему последнее время зачастила на примерки. А недавно он без согласия Изольды на работу принял молодую горничную. От этого немка ему сцены и закатывала. Один раз даже при мне. До сих пор эта девушка работает. Я так скажу: было у покойного три страсти — деньги, женщины и, как ни странно, шахматы. Детей, считайте, у него нет. От единственной дочери Ерофей отрекся лет двадцать назад. Против отцовской воли пошла — обвенчалась с сапожником-армянином. Папаша этого не простил. А спустя год после рождения сына ее муж сбежал вместе с циркачкой заезжего шапито, которой шил тапочки для гимнасти-

ческих кульбитов. От горя и безысходности молодая мать сошла с ума. До сих пор содержится у Зубова, в Александровской лечебнице. Сына воспитывает армянская семья ее деверя. К своим пятерым отпрыскам эта небогатая супружеская пара добавила и шестого ребенка — Григория. Армяне народ дружный. Парень скоро гимназию закончит. Учится успешно. Весь в мать — на вид русский, хоть и фамилия Аветисов. Летом работал помощником приказчика в конторе кожевенного завода братьев Деминых, что на Ташле. Сметливый парнишка и к наукам способный, дед его в шутку Менделеевым называл. Ну а он деду цветы разные выращивал и на день рождения дарил.

Извозчик остановил сани у парадного подъезда. Господа расплатились и отпустили возницу. Наверх вела широкая мраморная лестница. В коридоре, у добротной двери, сидел полусонный, уставший от томительного ожидания дворник.

— Попрошу, милейший, никого в комнату эту пока не пускать. А если появятся родственники или соседи, скажите, что доктор осмотр еще не закончил и потому мешать не велели, — распоря-

дился Нижегородцев. Осоловелый мужик часто закивал в ответ.

Картина, признаться, была удручающая. В глубоком деревянном кресле, по колено укрытый шотландским клетчатым пледом, уронив голову на грудь, сидел покойник. На полу, прямо у его ног, вытянув вперед лапы и положив на них морду, лежала огромная пушистая собака. Глаза ее были закрыты. Излюбленная порода чабанов-горцев, собака-пастух. Хотелось верить, что пес и хозяин заснули, но стоит человеку проснуться, и обрадованный его радостным пробуждением четвероногий друг мгновенно наполнит дом раскатистым веселым лаем. Но, к глубокому прискорбию, оба были мертвы. Перед креслом располагался низкий дубовый столик с резными ножками, на котором была разложена шахматная партия, белыми фигурами обращенная к старику. Рядом лежал вскрытый конверт, а внизу, под столом, валялся лист бумаги. Комната была большой, в пять-шесть квадратных саженей¹, и завершалась эркером. В полукруглом пространстве, на подставке в горшке, рос огром-

¹ 1 кв. сажень — 4, 55 кв.м.

ный рододендрон, верхней веткой почти дотрагиваясь до украшенного лепниной потолка.

— Николай Петрович, я вас попрошу, перчатки не снимайте. Если есть необходимость что-либо взять в руки, берите только в перчатках. Знаете, уже целый год в России применяется так называемый дактилоскопический метод установления личности по папиллярным линиям подушечек пальцев. Установлено, что у каждого человека образуемый ими узор своеобразен и неповторим. Двух людей с одинаковым рисунком не найти. Кстати, у собак и коров отпечатки носа тоже строго индивидуальны. В качестве средства для обнаружения отпечатков пальцев, оставленных, предположим, на бумаге, можно использовать струганый порошок карандашного грифеля, — открывал доктору тайны криминалистики, полученные еще в «прошлой жизни», бывший начальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел России отставной коллежский советник, вот уже два года живущий новой для себя жизнью провинциального адвоката. Но все равно, как ни крути, оперативное заграничное прошлое нет-нет да и

выскакивало наружу в виде подобных словесных водопадов. После чего недоуменные слушатели окидывали присяжного поверенного окружного суда недоверчивым и слегка удивленным взглядом. В такие минуты Клим Пантелеевич замолкал, пожимал плечами и что-то невнятно бормотал о когда-то прочитанных иностранных журналах. По сей день пятнадцать лет заграничной деятельности Ардашева составляли государственную тайну Российской империи.

— Не перестаю вам удивляться, Клим Пантелеевич. Горизонт ваших познаний широк и многообразен. Народ до сих пор судачит о вашем недавнем разоблачении известного в губернии чиновника. Кто бы мог подумать, что злодеем окажется человек столь уважаемый и на первый взгляд честный? А вы все равно вывели его на чистую воду,— продолжал будоражить тщеславие адвоката Нижегородцев. — Вот так бы и нам, врачам, научиться безошибочно диагнозы ставить. Да чтобы при жизни пациента, а не после вскрытия.

— Кстати, Николай Петрович, не кажется ли вам, что здесь лечебной микстурой пахнет? Хо-

тя лекарств я вокруг не вижу, — втягивая носом воздух, Ардашев на мгновение замер и в профиль стал смешно похож на застывшую в стойке русскую гончую.

— Да, вероятно, легкий запах присутствует, — неуверенно ответил врач.

Присяжный поверенный несколько минут смотрел на разложенную шахматную доску с теперь уже, видимо, навсегда не оконченной партией. Он достал блокнот и тщательнейшим образом записал шахматную позицию. Затем сквозь увеличительное стекло складной лупы внимательнейшим образом исследовал почтовый штемпель на красной трехкопеечной марке. Про себя отметил, что дата на штемпеле относится к сентябрю прошлого, 1907 года. Что ж до адресов, то они почему-то были набраны на пишущей машинке, и отправителем являлся некто Ф.Н. Безбрежный — партнер в игре по переписке. Тем же пинцетом поднял из-под стола несколько пожелтевший лист плотной недорогой бумаги, на котором вверху от руки было написано — С g4 : d1.

Адвокат, не проронив ни слова, открыл саквояж, вынул из бювара большой конверт из во-

щенной бумаги, с помощью пинцета поместил в него письмо с надписью — С g4 : d1, затем достал чистый лист, согнул вдвое и вложил в распечатанный конверт. За дверью слышались нетерпеливые голоса.

— Ну, а теперь мне хотелось бы пообщаться с родственниками и прислугой. Но прежде давайте всех пригласим сюда, — с этими словами Клим Пантелеевич отошел в неосвещенный угол комнаты и стал почти незаметен.

Врач отворил дверь, и в помещение, по одному, боязливо стали заходить незнакомые Ардашеву люди. Армянин с достаточно взрослым мальчиком и три женщины. Гимназист, увидев мертвого пса, кинулся к нему, обнял за шею, расплакался и, не переставая гладить собаку, запричитал: «Потапыч, миленький мой». Мужчина подошел к пареньку, бережно отстранил его от собаки, обнял за плечи и усадил на диван.

— Я присяжный поверенный Клим Пантелеевич Ардашев, — послышался голос откуда-то сзади. — Причина внезапной смерти хозяина этого дома вызывает некоторые сомнения. Именно поэтому я и нахожусь здесь. Мне придется вам за-

дать несколько вопросов. Смею надеяться, что получу исчерпывающие ответы. Для начала попрошу всех представиться, — официальным тоном проговорил адвокат.

— Изольда Генриховна Манн — экономка, — недовольно произнесла не лишённая привлекательности женщина.

— Глафира Константиновна Зарубаева, горничная, — пропела стройная брюнетка лет двадцати трех.

— Аветисовы мы. Я — Саркис Аветисов, моя жена Ксения и наш приемный сын Григорий, живем у Казанской площади, — с еле заметным акцентом тихо проговорил невысокого роста мужчина.

Адвокат и доктор расположились в столовой, куда по очереди приглашали всех присутствующих. Саркис, его жена и приемный сын Григорий заходили по одному, но много времени их опрос не занял. Дольше всех задержалась Изольда Генриховна. Несмотря на то что адвокат дал ей понять, что разговор окончен, немка не могла успокоиться.

— Если здесь что и нечисто, так во всем виновата Глашка, подстилка бесстыжая. Молодая, да